

Библиотека
начальной школы

Сказы

П. БАЖОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ

Павел Петрович Бажов

Сказы

Серия «Библиотека начальной школы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7427020
Сказы / П. Бажов: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-084738-9

Аннотация

Павел Петрович Бажов (1879–1950) – писатель и фольклорист, получивший в 1943 г. Сталинскую премию за книгу уральских сказов «Малахитовая шкатулка». В современной России он остается популярным, ведь в своих произведениях П. Бажов пишет о неизменном и вечном – о том, как важна любовь, терпение и доброта. Язык сказов своеобразен и непривычен обычному читателю, но именно язык делает произведения Баждова достоянием мировой литературы.

Для младшего школьного возраста.

Содержание

Голубая змейка	5
Огневушка-Поскакушка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Павел Бажов

Сказы

© Бажов П. П., наследники, 2014

© Бабюк С. В., ил., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Голубая змейка

Росли в нашем заводе два парнишечка, по близкому соседству: Ланко Пужанко да Лейко Шапочка.

Кто и за что им такие прозвания придумал, это сказать не умею. Меж собой эти ребята дружно жили. Под стать подобрались. Умишком вровень, силёнкой вровень, ростом и годами тоже. И в житье большой различки не было. У Ланка отец рудобоем был, у Лейка на золотых песках горевал, а матери, известно, по хозяйству мытарились. Ребятам и нечем было друг перед дружкой погордиться.

Одно у них не сходилось. Ланко своё прозвище за обиду считал, а Лейку лестно казалось, что его этак ласково зовут – Шапочка. Не раз у матери припрашивал:

– Ты бы, мамонька, сшила мне новую шапку! Слышишь, – люди меня Шапочкой зовут, а у меня тятин малахай, да и тот старый.

Дружбе ребячьей это не мешало. Лейко первый в драку лез, коли кто обзовёт Ланка Пужанком.

– Какой он тебе Пужанко? Кого испугался?

Так вот и росли парнишечки рядком да ладком. Рассорки, понятно, случались, да не надолго. Промигаться не успеют, опять вместе.

И то у ребят вровень пришлось, что оба последними в семьях росли. Повольготнее таким-то. С малыми не водиться.

От снегу до снегу домой только поесть да поспать прибегут. Мало ли в ту пору у ребят всякого дела: в бабки поиграть, в городки, шариком, порыбачить тоже, покупаться, за ягодами, за грибами сбегать, все горочки облазить, пенёчки на одной ноге обскакать. Утянутся из дома с утра – ищи их! Только этих ребят не больно искали. Как вечером прибегут домой, так на них поварчивали:

– Пришёл, наше шатало! Корми-ко его!

Зимой по-другому приходилось. Зима, известно, всякому зверю хвост подождёт и людей не обойдёт. Ланка с Лейком зима по избам загоняла. Одежка, видишь, слабая, обувь жиденькая, – недалеко в них ускочешь.

Только и хватало тепла из избы в избу перебежать.

Чтоб большим под руку не подвёртываться, забьются оба на полати да там и посиживают. Двоим-то всё-таки веселее. Когда и поиграют, когда про лето вспоминают, когда просто слушают, о чём большие говорят.

Вот раз сидят этак-то, а к Лейковой сестре Марьюшке подружки набежали. Время к Новому году подвигалось, а по девичьему обряду в ту пору про женихов ворожат. Девчонки и затеяли такую ворожбу. Ребятам любопытно поглядеть, да разве подступишься. Близко не пускают, а Марьюшка по-свойски ещё подзатыльников надавала:

– Уходи на своё место!

Она, видишь, эта Марьюшка, из сердитеньких была. Который год в невестах, а женихов не было. Девушка будто и во-

все хорошая, да маленько косоротенька. Изъян вроде и невелик, а парни всё же браковали её из-за этого. Ну, она и сердилась.

Забились ребята на полати, пыхтят да помалкивают, а девчонкам весело. Золу сеют, муку по столешнице раскатывают, угли перекидывают, в воде брызгаются. Перемазались все, с визгом хохочут одна над другой, только Марьюшке не весело. Она, видно, изверилась во всякой ворожбе, говорит:

– Пустяк это. Одна забава.

Одна подружка на это и скажи:

– По-доброму-то ворожить боязно.

– А как? – спрашивает Марьюшка.

Подружка и рассказала:

– От бабушки слыхала – самое правильное гадание будет такое. Надо вечером, как все уснут, свой гребешок на ниточке повесить на поветях, а на другой день, когда ещё никто не пробудился, снять этот гребешок – тут всё и увидишь.

Все любопытствуют – как? А девчонка объясняет:

– Коли в гребешке волос окажется – в тот год замуж выйдешь. Не окажется волоса – нет твоей судьбы. И про то догадаться можно, какой волосом муж будет.

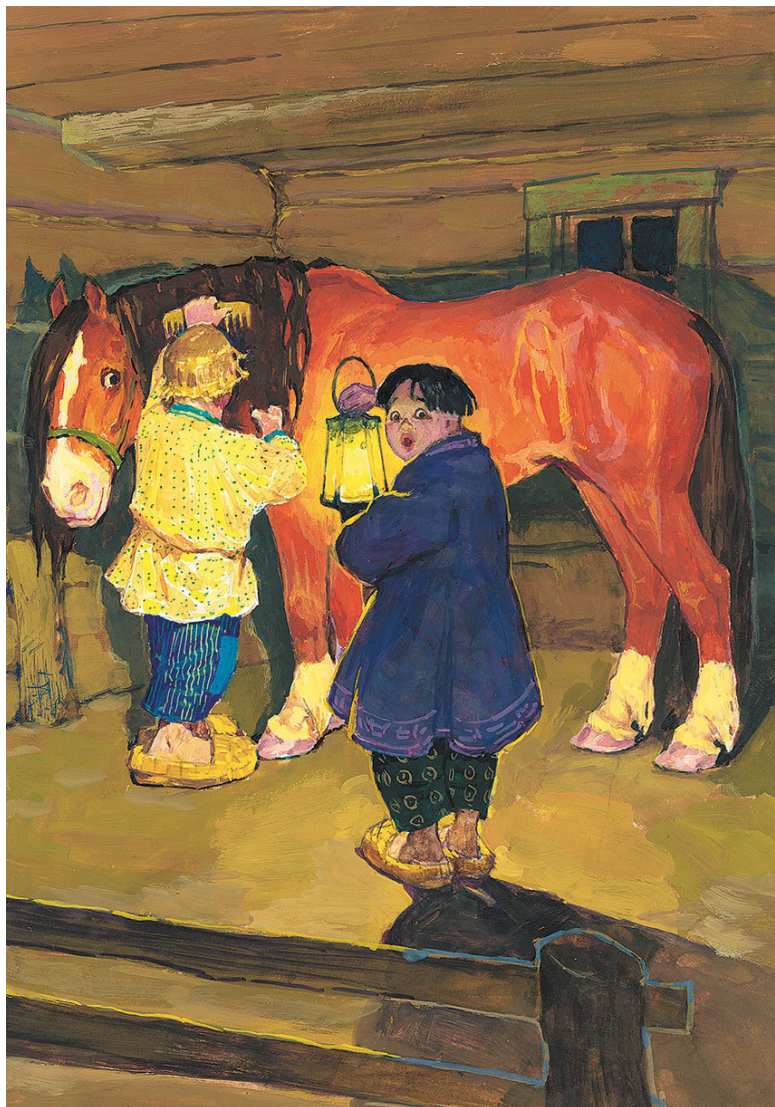
Ланко с Лейком заметили этот разговор и то смекнули, что Марьюшка непременно так ворожить станет. А оба в обиде на неё за подзатыльники-то. Ребята и сговорились:

– Подожди! Мы тебе припомним!

Ланко в тот вечер домой ночевать не пошёл, у Лейка на

полотях остался. Лежат, будто похрапывают, а сами друг дружку кулачонками в бока подтыкают: гляди, не усни!

Как большие все уснули, ребята слышат – Марьюшка в сенки вышла. Ребята за ней и углядели, как она на повети залезала и в каком месте там возилась. Углядели и поскорее в избу. За ними следом Марьюшка прибежала. Дрожит, зубами чакает. То ли ей холодно, то ли боязно. Потом легла, поёжилась маленько и, слышно стало, – уснула. Ребятам того и надо. Слезли с полатей, оделись, как пришлось, и тихонько вышли из избы. Что делать, об этом они уж сговорились.

У Лейка, видишь, мерин был, не то чалый, не то бурый, звали его Голубко. Ребята и придумали этого мерина Марьюшкиным гребешком вычесать. На поветях-то ночью бо-язно, только ребята один перед другим храбрятся. Нашли на поветях гребешок, начесали с Голубка шерсти и гребешок на место повесили. После этого в избу пробрались и крепко-на-крепко заснули. Пробудились позднѐхонько. Из больших в избе одна Лейкова мать была – у печки топталась.

Пока ребята спали, тут вот что случилось. Марьюшка утром поднялась раньше всех и достала свой гребешок. Видит – волосу много. Обрадовалась – жених кудрявый будет. Побежала к подружкам похвастаться. Те глядят – что-то не совсем ладно. Дивятся, какой волос чудной. Ни у одного знакомого парня такого не видывали. Потом одна разглядела в гребешке сильшко от конского хвоста. Подружки и давай хохотать над Марьюшкой.

– У тебя, – говорят, – женихом-то Голубко оказался.

Марьюшке это за большую обиду, она разругалась с подружками, а те знай хохочут. Кличку ей объявили: Голубкова невеста.

Прибежала Марьюшка домой, жалуется матери – вот какое горе приключилось, а ребята помнят вчерашние подзатыльники и с полатей поддразнивают:

– Голубкова невеста, Голубкова невеста!

Марьюшка тут совсем разревелась, а мать смекнула, чьих

это рук дело, закричала на ребят:

– Что вы, бесстыдники, наделали! Без того у нас девку жёнами обходят, а вы её на смех поставили.

Ребята поняли – вовсе неладно вышло, давай перекоряться:

– Это ты придумал!

– Нет, ты!

Марьюшка из этих перекоров тоже поняла, что ребята ей такую штуку подстроили, кричит им:

– Чтоб вам самим голубая змейка привиделась!

Тут опять на Марьюшку мать напустилась:

– Замолчи, дура! Разве можно такое говорить? На весь дом беду накличешь!

Марьюшка в ответ на это своё говорит:

– Мне что до этого! Не глядела бы на белый свет!

Хлопнула дверью, выбежала в ограду и давай там снеговой лопатой Голубка гонять, будто он в чём провинился. Мать вышла, сперва пристрожила девку, потом в избу увела, уговаривать стала. Ребята видят – не до них тут, утянулись к Ланку. Забились там на полати и посиживают смирёхонько. Жалко им Марьюшку, а чем теперь поможешь. И голубая змейка в головёнках застряла. Шёпотом спрашивают один у другого:

– Лейко, ты не слыхал про голубую змейку?

– Нет, а ты?

– Тоже не слыхивал.

Шептали, шептали, решили у больших спросить, когда дело маленько призамнётся. Так и сделали. Как Марьюшкина обида позабылась, ребята и давай разузнавать про голубую змейку. Кого ни спросят, те отмахиваются: не знаю, да ещё грозятся:

– Возьму вот прут да отважу обоих! Забудете о таком спрашивать!

Ребятам от этого ещё любопытнее стало: что за змейка такая, про которую и спрашивать нельзя?

Нашли-таки случай. По праздничному делу у Ланка отец пришёл домой порядком выпивши и сел у избушки на завалинке. А ребята знали, что он в такое время поговорить больно охоч. Ланко и подкатился:

– Тятя, ты видал голубую змейку?

Отец, хотя сильно выпивши был, даже отшатнулся, потрезвел и заклятье сделал.

– Чур, чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!

Пристрожил ребят, чтоб напередки такого не говорили, а сам всё-таки выпивши, поговорить-то ему охота. Посидел так, помолчал, потом и говорит:

– Пойдёмте на бережок. Там свободнее про всякое сказывать.

Пришли на бережок, закурил Ланков отец трубку, оглянулся на все стороны и говорит:

– Так и быть, скажу вам, а то ещё беды наделаете своими

разговорами. Вот слушайте!

Есть в наших краях маленькая голубенькая змейка. Ростом не больше четверти и до того лёгонькая, будто в ней вовсе никакого весу нет. По траве идёт, так ни одна былинка не погнётся. Змейка эта не ползает, как другие, а свернётся колечком, головёнку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает, да так бойко, что не догонишь её. Когда она этак-то бежит, вправо от неё золотая струя сыплется, а влево чёрная-пречёрная.

Одному увидеть голубую змейку – прямое счастье: наверняка верховое золото окажется, где золотая струя прошла. И много его.

Поверху большими кусками лежит. Только оно тоже с подводом. Если лишкухватишь, да хоть капельку сбросишь, всё в простой камень повернётся. Второй раз тоже не придёшь, потому место сразу забудешь.

Ну, а когда змейка двоим-троим либо целой артели покажется, тогда вовсе чёрная беда. Все перессорятся и такими ненавистниками друг дружке станут, что до смертоубийства дело дойдёт. У меня отец на каторгу ушёл из-за этой голубой змейки. Сидели как-то артелью и разговаривали, а она и покажись. Тут у них и пошла неразбериха. Двоих насмерть в драке убили, остальных пятерых на каторгу угнали. И золота никакого не оказалось. Потому вот про голубую змейку и не говорят: боятся, как бы она не показалась при двоих либо троих. А показаться она везде может: в лесу и в поле, в избе

и на улице. Да ещё сказывают, будто голубая змейка иной раз человеком прикидывается, только узнать её всё-таки можно. Как идёт, так даже на самом мелком песке следов не оставляет. Трава, и та под ней не гнётся. Это первая примета, а вторая такая: из правого рукава золотая струя бежит, из левого – чёрная пыль сыплется.

Наговорил этак-то Ланков отец и наказывает ребятам:

– Смотрите, никому об этом не говорите и вдвоём про голубую змейку вовсе даже не поминайте. Когда в одиночку случится быть и кругом людей не видно, тогда хоть криком кричи.

– А как её звать? – спрашивают ребята.

– Этого, – отвечает, – не знаю. А если бы знал, тоже бы не сказал, потому опасное это дело.

На том разговор и кончился. Ланков отец ещё раз настрого наказал ребятам помалкивать и вдвоём про голубую змейку даже не поминать.

Ребята сперва сторожились, один другому напоминал:

– Ты гляди, про эту штуку не говори и не думай, как со мной вместе. В одиночку надо.

Только как быть, когда Лейко с Ланком всегда вместе и голубая змейка ни у того, ни у другого с ума не идёт? Время к теплу подвинулось. Ручейки побежали. Первая весенняя забава – около живой воды повозиться: лодочки пускать, запруды строить, меленки водой крутить. Улица, по которой ребята жили, крутиком к пруду спускалась. Весенние ручей-

ки тут скоро сбежали, а ребята в эту игру не наигрались. Что делать? Они взяли по лопатке да и побежали за завод. Там, дескать, из лесу ещё долго ручейки бежать будут, на любом поиграть можно. Так оно и было. Выбрали ребята подходящее место и давай запруду делать, да поспорили, кто лучше умеет. Решили на деле проверить: каждому в одиночку плотинку сделать. Вот и разошлись по ручью-то. Лейко пониже, Ланко повыше шагов, поди, на полсотни. Сперва перекликались:

– У меня, смотри-ко!

– А у меня! Хоть завод строй!

Ну, всё-таки работа. Оба крепко занялись, помалкивают, стараются, как лучше сделать.

У Лейка привычка была что-нибудь припевать за работой. Он и подбирает разные слова, чтобы всклад вышло:

Эй-ка, эй-ка,

Голубая змейка!

Объявись, покажись!

Колеском покрутись!

Только пропел, видит – на него с горки голубенькое колеско катится. До того лёгонькое, что сухие былинки, и те под ним не сгибаются. Как ближе подкатилось, Лейко разглядел: это змейка колечком свернулась, головёнку вперед уставила да на хвостике и подскакивает. От змейки в одну сторону золотые искры летят, в другую чёрные струйки брызжут.

Глядит на это Лейко, а Ланко ему кричит:

– Лейко, гляди-ко, вон она – голубая змейка!

Оказалось, что Ланко это же самое видел, только змейка к нему из-под горки поднималась. Как Ланко закричал, так голубая змейка и потерялась куда-то. Сбежались ребята, рассказывают друг другу, хвалятся:

– Я и глазки разглядел!

– А я хвостик видел. Она им упрётся и подскочит.

– Думаешь, я не видел? Из колечка-то чуть высунулся.

Лейко, как он всё-таки поживее был, побежал к своему пруду за лопаткой.

– Сейчас, – кричит, – золота добудем!

Прибежал с лопаткой и только хотел ковырнуть землю с той стороны, где золотая струя прошла, Ланко на него налетел:

– Что ты делаешь? Загубишь себя! Тут, поди-ко, чёрная беда рассыпана!

Подбежал к Лейку и давай его отталкивать. Тот своё кричит, упирается. Ну, и разодрались ребята. Ланку с горки сподручнее, он и оттолкал Лейка подальше, а сам кричит:

– Не допущу в том месте рыться! Себя загубишь. Надо с другой стороны.

Тут опять Лейко набросился:

– Никогда этого не будет! Загинешь там. Сам видел, как в ту сторону чёрная пыль сыпалась.

Так вот и дрались. Один другого остерегает, а сами туман

ки дают. До рёву дрались. Потом разбираться стали, да и поняли, в чём штука: видели змейку с разных сторон, потому правая с левой и не сходятся. Подивились ребята:

– Как она нам головы закружила! Обоим навстречу показалась. Насмеялась над нами, до драки довела, а к месту и не подступишься. В другой раз, не прогневайся, не позовём. Умеем, а не позовём!

Решили так, а сами только о том и думают, чтобы ещё раз поглядеть на голубую змейку. У каждого на уме и то было: не попытать ли в одиночку. Ну, боязно, да и перед дружкой как-то нескладно. Недели две, а то и больше всё-таки о голубой змейке не разговаривали. Лейко начал:

– А что, если нам ещё раз голубую змейку позвать? Только чтоб с одной стороны глядеть.

Ланко добавил:

– И чтоб не драться, а сперва разобрать, нет ли тут обмана какого!

Сговорились так, захватили из дома по кусочку хлеба да по лопатке и пошли на старое место. Весна в том году дружная стояла. Прошлогоднюю ветошь всю зелёной травой закрыло. Весенние ручейки давно пересохли. Цветов много появилось. Пришли ребята к старым своим запрудам, остановились у Лейкиной и начали припевать:

Эй-ка, эй-ка,
Голубая змейка!

Объявись, покажись!
Колеском покрутишь!

Стоят, конечно, плечо в плечо, как уговорились. Оба бо-
сиком по тёплому времени. Не успели кончить припевку,
от Ланковой запруды показалась голубая змейка. По моло-
дой-то траве скоренько поскакивает. Направо от неё густое
облачко золотой искры, налево – такое же густое – чёрной
пыли. Катит змейка прямо на ребят. Они уже разбежаться хо-
тели, да Лейко смекнул, ухватил Ланка за пояс, поставил пе-
ред собой и шепчет:

– Негоже на чёрной стороне оставаться!

Змейка всё же их перехитрила – меж ног у ребят прока-
тила. У каждого одна штанина золочёной оказалась, другая
как дёгтем вымазана. Ребята этого не заметили, смотрят, что
дальше будет. Голубая змейка докатила до большого пня и
тут куда-то подевалась. Подбежали, видят: пень с одной сто-
роны золотой стал, а с другой черным-чернёхонек и тоже
твёрдый, как камень. Около пня дорожка из камней, направо
жёлтые, налево чёрные.

Ребята, конечно, не знали вескости золотых камней.

Ланко сгоряча ухватил один и чует – ой, тяжело, не доне-
сти такой, а бросить боится. Помнит, что отец говорил: сбро-
сишь хоть капельку, всё в простой камень перекинется. Он
и кричит Лейку:

– Поменьше выбирай, поменьше! Этот тяжёлый!

Лейко послушался, взял поменьше, а он тоже тяжёлым показался. Тут он понял, что у Ланка камень вовсе не под силу, и говорит:

– Брось, а то надорвёшься!

Ланко отвечает:

– Если брошу, всё в простой камень обернётся.

– Брось, говорю! – кричит Лейко, а Ланко упирается: нельзя. Ну, опять дракой кончилось. Подрались, наревелись, подошли ещё раз посмотреть на пенёк да на каменную дорожку, а ничего не оказалось. Пень как пень, а никаких камней, ни золотых, ни простых, вовсе нет. Ребята и судят:

– Обман один эта змейка. Никогда больше думать о ней не будем.

Пришли домой, там им за штаны попало.

Матери отмутузили того и другого, а сами дивятся:

– Как-то им пособит и вымазаться на один лад! Одна штанина в глине, другая – в дегтю! Ухитриться тоже надо!

Ребята после этого вовсе на голубую змейку сердились:

– Не будем о ней говорить!

И слово своё твёрдо держали. Ни разу с той поры у них разговору о голубой змейке не было. Даже в то место, где её видели, ходить перестали.

Раз ребята ходили за ягодами. Набрали по полной корзиночке, вышли на покосное место и сели тут отдохнуть. Сидят в густой траве, разговаривают, у кого больше набрано да у кого ягода крупнее. Ни тот, ни другой о голубой змейке и

не подумал. Только видят – прямо к ним через покосную лужайку идёт женщина. Ребята сперва этого в примету не взяли. Мало ли женщин в лесу в эту пору: кто за ягодами, кто по покосным делам. Одно показалось им непривычным: идёт, как плывёт, совсем легко. Поближе подходить стала, ребята разглядели – ни один цветок, ни одна травинка под ней не согнутся. И то углядели, что с правой стороны от неё золотое облачко колышется, а с левой – чёрное. Ребята и уговорились:

– Отвернёмся. Не будем смотреть! А то опять до драки доведёт.

Так и сделали. Повернулись спинами к женщине, сидят и глаза зажмурили. Вдруг их подняло. Открыли глаза, видят – сидят на том же месте, только примятая трава поднялась, а кругом два широких обруча, один золотой, другой чернокаменный. Видно, женщина обошла их кругом да из рукавов и насыпала. Ребята кинулись бежать, да золотой обруч не пускает: как перешагивать – он поднимется, и поднырнуть тоже не даёт. Женщина смеётся:

– Из моих кругов никто не выйдет, если сама не уберу.

Тут Лейко с Ланком взмолились:

– Тётенька, мы тебя не звали.

– А я, – отвечает, – сама пришла поглядеть на охотников добыть золото без работы.

Ребята просят:

– Отпусти, тётянька, мы больше не будем.

И без того два раза подрались из-за тебя!

– Не всякая, – говорит, – драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались. Не из-за ко-рысти либо жадности, а друг дружку охраняли. Недаром золотым обручем от чёрной беды вас отгородила. Хочу ещё испытать.

Насыпала из правого рукава золотого песку, из левого чёрной пыли, смешала на ладони, и стала у неё плитка чёрно-золотого камня. Женщина эту плитку прочертила ногтем, и она распалась на две ровнёшенькие половинки. Женщина подала половинки ребятам и говорит:

– Коли который хорошее другому задумает, у того плиточка золотой станет, коли – пустяк, выйдет бросовый камешек.

У ребят давно на совести лежало, что они Марьюшку сильно обидели. Она хоть с той поры ничего им не говори-вала, а ребята видели: стала она вовсе невесёлая. Теперь ребята про это и вспомнили, и каждый пожелал:

– Хоть бы поскорее прозвище Голубкова невеста забылось и вышла бы Марьюшка замуж!

Пожелали так, и плиточки у обоих стали золотые. Жен-щина улыбнулась.

– Хорошо подумали. Вот вам за это награда.

И подаёт им по маленькому кожаному кошельку с ремен-

ной завязкой.

– Тут, – говорит, – золотой песок. Если большие станут спрашивать, где взяли, скажите прямо: «Голубая змейка дала, да больше ходить за этим не велела». Не посмеют дальше разузнавать.

Поставила женщина обручи на ребро, облокотилась на золотой правой рукой, на чёрный – левой и покатила по покосной лужайке. Ребята глядят – не женщина это, а голубая змейка, и обручи в пыль перешли. Правый – в золотую, левый – в чёрную.

Постояли ребята, спрятали свои золотые плиточки да кошелёчки по карманам и пошли домой. Только Ланко промолвил:

– Не жирно всё-таки отвалила нам золотого песку.

Лейко на это и говорит:

– Столько, видно, заслужили.

Дорогой Лейко чувствует – сильно потяжелело у него в кармане. Еле вытащил свой кошелёк – до того он вырос. Спрашивает у Ланка:

– У тебя тоже кошелёк вырос?

– Нет, – отвечает, – такой же, как был.

Лейку неловко показалось перед дружкой, что песку у них не поровну, он и говорит:

– Давай отсыплю тебе.

– Ну что ж, – отвечает, – отсыпь, если не жалко.

Сели ребята близ дороги, развязали свои кошельки, хо-

тели выровнять, да не вышло. Возьмёт Лейко из своего кошелька горсточку золотого песку, а он в чёрную пыль перекинется. Ланко тогда и говорит:

– Может, всё-то опять обман.

Взял щепотку из своего кошелёчка. Песок как песок, настоящий золотой. Высыпал щепотку Лейку в кошелёк – перемены не вышло.

Тогда Ланко и понял: обделила его голубая змейка за то, что пожадничал на даровщину. Сказал об этом Лейку, и кошелёк на глазах стал прибывать. Домой пришли оба с полнёхонькими кошельками, отдали свой песок и золотые плиточки семейным и рассказали, как голубая змейка велела.

Все, понятно, радуются, а у Лейка в доме ещё новость: к Марьюшке приехали сваты из другого села. Марьюшка веселёхонька бегаёт, и рот у неё в полной исправе. От радости, что ли? Жених, верно, какой-то чубарый волосом, а парень весёлый, к ребятам ласковый. Скоренько с ним сдружились.

Голубую змейку с той поры ребята никогда не вызывали. Поняли, что она сама наградой прикатит, если заслужишь, и оба удачливы в своих делах были. Видно, помнила их змейка и чёрный свой обруч от них золотым отделяла.

Огневушка-Поскакушка

Сидели раз старатели вокруг огонька в лесу. Четверо больших, а пятый парнишечко. Лет так восьми. Не больше. Федюнькой его звали.

Давно всем спать пора, да разговор занятный пришёлся. В артелке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал. Мало ли каких случаев у него бывало. Он и рассказывал, а старатели слушали.

Отец уж сколько раз говорил Федюньке:

– Ложился бы ты, Тюньша, спать!

Парнишечку охота послушать.

– Погоди, тятенька! Я маленечко ещё посижу.

Ну, вот... Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костерка одни угольки остались, а старатели всё сидят да на эти угольки глядят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.